

DOI: 10.31696/S086919080036438-8

ИРОНИЯ В ПЬЕСЕ ВАТСАРАДЖИ «КИРАТАРДЖУНИЯ» (XII в.)

© 2025

М.Д. МИНАЕВА ^а^а – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия^а – ORCID: 0009-0005-2274-4371; riminaeva@gmail.com

Резюме: Данная статья рассматривает и анализирует такой риторический прием, как «ирония», в санскритской поэтической традиции на примерах из пьесы индийского средневекового драматурга Ватсараджи «Киратарджунья» (*Kirātārjunīya*, «О кирате и Арджуне», XII в.). Пьеса написана в редком для санскритской литературы жанре *вяйюга*, для которого характерно описание военного подвига, битвы, вооруженного поединка или схватки между двумя хорошо известными в индийской литературной традиции прославленными героями. В пьесе Ватсараджи сражение двух персонажей сопровождается словесной перепалкой, наполненной язвительными комментариями в сторону друг друга. Хотя драматический жанр «*вяйюга*» исключает присутствие комического, в основе своей пьесы Ватсараджа помещает риторический прием – иронию. Понятие «ирония» развилось в античном мире и окончательно оформилось в работах римских авторов I в. до н.э. – I в. н.э. В индийской поэтической теории этому приему частично соответствует *аланкара вьяджастути* (*vyājastuti*, букв. «ложная похвала»), которая подразумевает высказывания, где под порицанием понимается похвала или где под похвалой скрыто порицание. Однако *аланкара вьяджастути* покрывает собой только один из многочисленных аспектов античной иронии. Еще один спорный, но более «универсальный» способ описать явление, соответствующее античной иронии – обратиться к теории поэзии скрытого смысла – *дхвани* (*dhvani*), которая возникла в индийских поэтических трактатах в IX в. В некоторых поэтических трактатах, обсуждающих «поэзию скрытого смысла», концепция *дхвани* используется для описания иронических высказываний. С точки зрения формы и содержания они сильно напоминают примеры *вьяджастути* из других средневековых поэтических трактатов. Анализ иронических строф и оборотов, встречающихся в «Киратарджуньи» Ватсараджи показывает, что средневековый комедийный автор использует и обе разновидности *вьяджастути*, и концепцию поэзии *дхвани*, очевидно, усматривая за всеми этими терминами некое объединяющее их явление, именуемое в европейской традиции «иронией».

Ключевые слова: средневековая Индия, санскритская средневековая литература, ирония, *вьяджастути*, *дхвани*

Для цитирования: Минаева М.Д. Ирония в пьесе Ватсараджи «Киратарджунья» (XII в.). *Восток (Oriens)*. 2025. № 6. С. 143–155. DOI: 10.31696/S086919080036438-8

IRONY IN VĀTSARĀJA'S PLAY "KIRĀTĀRJUNĪYA" (12th CENTURY)

© 2025

Margarita D. MINAEVA ^а^а – HSE University, Moscow, Russia^а – ORCID: 0009-0005-2274-4371; riminaeva@gmail.com

Abstract: This article examines the rhetorical device of irony in the Sanskrit poetic tradition, using examples from the medieval playwright Vatsarāja's *Kirātārjunīya* ("The Kirāta and Arjuna", 12th century). This play belongs to the rare *vyāyoga* genre, which is characterized by a depiction of a great battle between two renowned heroes accompanied by a verbal duel filled with biting remarks directed at each other. Although the dramatic *vyāyoga* genre typically excludes comic elements, Vatsarāja builds his play around irony as a rhetorical device. The concept of irony originated in the ancient world and was fully developed in the works of Roman authors from the 1st century BCE to the 1st century CE. In Indian poetic theory, this device is partially paralleled by the *alāṅkāra* (figure of speech) known as *vyājastuti* (literally, "feigned praise"), which refers to statements where praise conceals blame or vice versa. However, *vyājastuti* covers only one of the many aspects of European irony. Another, more controversial yet broader approach to describing a phenomenon corresponding to classical irony is to turn to the theory of *dhvani* (suggested meaning). In some poetic treatises discussing "suggestive poetry", the concept of *dhvani* is used to explain ironic statements. In terms of form and content, these closely resemble examples of *vyājastuti* found in other medieval poetic treatises. The analysis of ironic expressions in Vatsarāja's *Kirātārjunīya* demonstrates that the medieval playwright employs both varieties of *vyājastuti* as well as the *dhvani* theory, perceiving behind these terms a unifying phenomenon known in the European tradition as "irony."

Keywords: medieval India, Sanskrit medieval literature, irony, *vyājastuti*, *dhvani*

For citation: Minaeva M.D. Irony in Vatsarāja's play "Kirātārjunīya" (12th Century). *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 143–155. DOI: 10.31696/S086919080036438-8

Ирония часто употребляется в санскритской литературе *кавы*, однако санскритская поэтическая традиция использует различные термины для обозначения этого художественного приема. В пьесе «Киратарджуния» (*Kirātārjunīya*, «О кирате и Арджуне») Ватсараджи (XII в.) ирония – основной художественный прием. Данное исследование будет посвящено тому, как ирония нашла свое воплощение в этом средневековом памятнике. Сперва, чтобы убедиться в том, насколько «европейский» термин «ирония» применим при анализе *кавы*, обратимся к истории происхождения этого понятия и опишем его ближайшие аналоги в индийской поэтической традиции.

ИРОНИЯ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

В словаре древнегреческого языка А.Д. Вейсмана «ирония» (др.-греч. εἰρωνεία) определено как «притворство... в речи, когда кто-либо одно говорит, а другое думает, или когда кто-либо прикидывается не знающим того, что хорошо знает» [*Греческо-русский словарь*, 1899, с. 379]. Такую иронию (синонимичную «притворству») мы впервые встречаем в работах древнегреческого философа Платона (428–348 гг. до н.э.). Он упоминает в трудах об особом «риторическом» приеме своего учителя Сократа, когда тот прибегал к притворному самоуничижению, чтобы опровергнуть утверждения противника¹.

¹ Например, в первой книге «Государства» Платона Сократ и Фрасимах – древнегреческий софист – обсуждали понятие справедливости. Фрасимах обвинил Сократа в том, что он задает слишком много праздных вопросов и не относится к теме серьезно: «Вот она, обычная ирония Сократа (εἰρωνεία Σωκράτους)! Я... всем заранее говорил, что ты... прикинешься простачком (εἰρωνεύσοιο) и станешь делать все что угодно, только бы увернуться от ответа, если кто тебя спросит» (*Plat. Rep.* I.337a), пер. А.Ф. Лосева [Платон, 1994, с. 91–92].

Более детально иронию как риторический прием обсуждает Аристотель, хотя емкого определения в его работах не обнаруживается. Для Аристотеля ирония – это некая форма проявления презрения к собеседнику: «[Сердимся мы] и на тех... кто иронизирует, когда мы говорим серьезно, так как ирония заключает в себе нечто презрительное»² (*Arist. Rhet.* 1379b). Аристотель негативно относится как к притворщикам, так и к иронии. Он утверждает, что иронии в речи следует избегать: «Ненависть и дружба... должны быть явными (ведь и таиться, и правде уделять меньше внимания, чем молве, свойственно робкому); ...и говорит, и действует он явно (он свободен в речах, потому что презирает трусов, и он правдив [всегда], за исключением притворства перед толпой (δι' εἰρωνείαν)»³ (*Arist. Nic. Eth.* 1124b).

Понятие иронии, подобное тому, какое мы встречаем в современных словарях, сформировалось в работах Цицерона (106–43 гг. до н.э.) и Квинтилиана (35–96 гг. н.э.). В трактате «Об ораторе» Цицерона приводится такое определение «иронии» (лат. *urbana dissimulatio*, букв. «утонченное притворство»): «Есть... утонченное притворство, когда говорится иное, чем думаешь; ...когда с полной серьезностью дурачишь всей своей речью, думая одно, а произнося иное»⁴ (*Cic. De Orat.* 2.269).

Римский ритор Квинтилиан расширяет определение Цицерона. Квинтилиан разделяет иронию-троп и иронию-риторическую фигуру. Иронию как троп римский ритор описывает так: «...Иронией (лат. *ironia*) обозначаем противное тому, что говорим; ...называется также насмешкою, которую разуметь можно по произношению голоса, по лицу или по свойству вещи, о коей говорится. Ибо, когда слова им не приличествуют, то и значит, что намерение говорящего есть показать сему противное»⁵ (*Quint. Inst.* 8.6.54). Квинтилиан добавляет, что «иронией можно унизить под видом похвалы, или похвалить под видимостью порицания»⁶ (*Quint. Inst.* 8.6.55).

В другом месте, рассуждая о разновидностях иронии уже как риторической фигуры, Квинтилиан говорит: «Ирония (др.-греч. εἰρωνεία⁷) есть то, когда делаем вид, будто бы приказываем или повелеваем, а в самом деле не желаем того. ...И когда уступаем сопернику такое преимущество, которого найти в нем не желаем. ...Или напротив, когда берем на свой счет такую ошибку, коей не сделали, и от коей стыд падает на противника»⁸ (*Quint. Inst.* 9.2.48–49). Данное определение иронии-риторической фигуры отличается⁹ от предыдущего тем, что описывает частные случаи использования иронии, а также акцентирует внимание на достоинствах и недостатках того, к кому обращено ироническое высказывание.

Современное определение иронии мало чем отличается от того, о чем писал Квинтилиан. Согласно «Оксфордскому словарю английского языка» ирония – это фигура речи, в которой предполагаемое значение противоположно тому, что выражается словами. Она обычно принимает форму сарказма или насмешки, в которых похвала используется с целью осуждения и презрения» [*The Concise Oxford Dictionary*, 1912, p. 433].

² Пер. Н. Платоновой [Аристотель, 2000, с. 144].

³ Пер. Н.В. Брагинской [Аристотель, 1983, с. 133].

⁴ Пер. Ф.А. Петровского [Цицерон, 1972, с. 104].

⁵ Пер. А. Никольского [Риторические наставления Квинтилиана, 1834, с. 116].

⁶ Пер. П.А. Гринцера [Гринцер, 1987, с. 116]. У А. Никольского отсутствует перевод данного отрывка (*Quint. Inst.* 8.6.55).

⁷ Об использовании Квинтилианом др.-греч. слова вместо латинского см.: [Dane, 1991, p. 48–52].

⁸ Пер. А. Никольского [Риторические наставления Квинтилиана, 1834, с. 139].

⁹ О том, как Квинтилиан различал иронию-троп и иронию-риторическую фигуру, см.: (*Quint. Inst.* 9.2.44–46).

ВЬЯДЖАСТУТИ

Аланкара *вьяджастути*, как ее описал автор поэтического трактата «Кавьяпракаша» (Kāvyapraṇāśa, «Свет поэзии») Маммата (XI в.), очень напоминает иронию Квинтилиана. О *вьяджастути* Маммата говорил: «Когда то, что на первый взгляд кажется похвалой или порицанием, оказывается противоположным, это [называется] *вьяджастути*»¹⁰. Т. е. *вьяджастути* – это риторическая фигура, когда под похвалой скрыто порицание и наоборот.

Такой вид определение *вьяджастути* приобрело не сразу. Наиболее раннее упоминание *аланкары вьяджастути* обнаруживается в трактате Бхамахи «Кавьяланкара» (Kāvyālaṅkārasūtra, «Сутра о поэтических украшениях», VII в.). Бхамаха утверждает: «*Вьяджастути* – это такое порицание, при котором поэт сравнивает объект описания с неким персонажем с чрезвычайно высокими достоинствами»¹¹. Чтобы проиллюстрировать свое неясное утверждение, Бхамаха приводит такой пример *аланкары*: «Рама пронзил стрелой семь деревьев сала. Лучший из потомков Бхригу разбил гору Краунча. А ты разве сделал хоть сотую долю того, что сделали они?»¹².

В строфе утверждается, что некий мужчина – вероятно, царь – по сравнению с Рамой и Парашурамой (лучшим из потомков Бхригу) ничтожен. С одной стороны, автор строфы упрекает героя, к которому обращаются. С другой – в этом упреке может скрываться ирония, ведь Рама и Парашурама столь велики, что тот, кто способен хотя бы на сотую долю их подвигов, уже может считаться выдающимся. Говорящий, вероятно, пытаясь дружески поддержать собеседника, сравнивает его с героями древности. Во *вьяджастути* Бхамахи можно увидеть похвалу, скрытую за упреком¹³.

В трактате «Кавьядарша» (Kāvyādarśa, «Зеркало поэзии») авторства Дандина (VIII в.) *вьяджастути* выражает похвалу, скрытую за упреком: «Если похвала выглядит как порицание (санскр. nindā) – то это считается *вьяджастути*. В таком случае недостатки оказываются достоинствами»¹⁴. Свое описание *вьяджастути* Дандин иллюстрирует такой строфой: «Тебе нечем гордиться: Рама покорил эту землю, когда был всего лишь аскетом, а ты завоевал ее, будучи царем»¹⁵.

Если у Бхамахи тот, к кому обращаются, не идет ни в какое сравнение с Рамой и Парашурамой, то у Дандина царь имеет, хоть и малое, но все же сходство с самим Рамой, и указание на это сходство считается для царя невероятной похвалой. В примере *вьяджа-*

¹⁰ vyājastutirmukhe nindā stutirivā rūḍhiranyathā [Kāvyapraṇāśa, 1967, p. 411].

¹¹ dūrādhikaguṇastotravyapadeśena tulyatām kimcid vidhisor yā nindā vyājastutir asau yathā [Kāvyālaṅkārasūtra, 1991, p. 65].

¹² rāmaḥ saptaḥbhīnat sālān girim krauñcam bhrīgūttamaḥ śatāṁśenāpi bhavatā kim tayoh sadṛśam kṛtam.

¹³ И. Броннер в статье “Change in Disguise: The Early Discourse on Vyājastuti” усматривает в примере Бхамахи только презрительную насмешку (цит. “the speaker... asks scornfully”) [Bronner, 2009, p. 182]) в сторону того, кто сравнивается с эпическим героем [Bronner, 2009, p. 181–182]. Как считает исследователь, адресат строфы, который знаком с поэтической традицией сравнивать царей с великими деятелями прошлого, ожидает, что его сравнят с Рамой и тем самым похвалят. Однако этого не происходит, и царя просто упрекают в том, что он ничего действительно стоящего не сделал. Как утверждает И. Броннер, его интерпретация *вьяджастути* – новаторская и резко отличается от мнений его предшественников-индологов. По его мнению, более века индологи ошибочно считали *вьяджастути* Бхамахи приемом, который был призван восхвалять адресата и успешно справлялся с этой целью [Bronner, 2009, p. 183]. Такой теории придерживались, например, Э. Героу и М.Л. Порше [Gerow, 1971, p. 286; Porcher, 1978, p. 329–332]. Также о проблеме датировки Бхамахи и Дандина см.: [Bronner 2012; Kane, 1961, p. 102–133].

¹⁴ yadi nindann iva stauti vyājastutir asau matā / doṣābhāśa guṇā eva labhante hy atra saṁnidhim [Kāvyādarśa, 1924, p. 31].

¹⁵ tāpasenāpi rāmeṇa jiteyaṁ bhūṭadhārīṇi / tvayā rājñāpi saiveyaṁ jitā mā bhūn madas tava, [Kāvyādarśa, 1924, p. 31]. Пер. П.А. Гринцера [Гринцер, 1987, с. 116].

стуту у Дандина¹⁶ структура похвалы, спрятанной за упреком, выражена более явно по сравнению с примером Бхамахи.

В более поздних поэтических трактатах *вьяджастуту* (букв. «ложная похвала») стала подразумевать не только похвалу в виде упрека, но и упрек в виде похвалы. Рудрата (IX в.) – первый из авторов поэтик, который говорит о такой двойственной природе *вьяджастуту* [Bronner, 2009, p. 192–194]. В трактате «Кавьяаланкара» (названном в честь одноименного трактата Бхамахи) Рудрата называет фигуру просто *вьяджа* (vyaḥja, букв. «обман») и определяет ее так: «Когда под порицанием понимается похвала или под похвалой – порицание, это следует называть вьяджа»¹⁷. Рудрата иллюстрирует этот тип *вьяджасуту*, где под похвалой скрыто порицание, такой строфой: «Ты ходила ради меня, и тело твое подверглось нападению змеи. Всей жизнью своей я не смогу тебя вознаградить за это, подруга!»¹⁸.

Речь здесь идет о девушке, которая отправила посланницу к своему любовнику, а та возвратилась со следами страстных поцелуев и укусов, которые тщетно пыталась выдать за укусы напавшей на нее змеи (bhogavat¹⁹). Поняв, что подруга предала ее, девушка, однако, будто бы восхищается ее самопожертвованием, хотя, очевидно, такая похвала заключает в себе уже даже не упрек, а обвинение²⁰. Утверждение, что девушка, обращающаяся к вестнице, всей своей жизнью не сможет расплатиться за «подвиг» подруги – намеренная ложь (vyaḥja), подразумевающая иронию.

После Рудраты *аланкаре* возвращается ее изначальное название – *вьяджастуту*, но авторы продолжают признавать за ней и позитивный, и негативный смысл (похвала, скрытая за упреком, и упрек, скрытый за похвалой). Уже упомянутый выше Маммата (XI в.) снова называет *аланкару* – *вьяджастуту* [Kāvyaprakāśa, 1967, p. 412]. Он иллюстрирует *вьяджастуту*, когда под похвалой скрыто порицание, таким примером: «О океан! Ты ловко разделался с бодхисаттвами, что тут сказать... Ты одинок в своей приверженности к помощи другим: отказывая просьбам путников, умирающих от жажды, пустыня навлекла на себя такой позор, что ты из доброты предложил ей разделить вину»²¹.

Океан губит людей, путешествующих морем, и произносящий эту строфу корит его за убийства. Далее океан с иронией называется милосердным, потому что он сжалился над пустыней, которая тоже убивает путников, и согласился взять на себя часть ее вины. Поэтому-то океан и «разделался» с *бодхисаттвами* – из-за своего милосердия. За такой «похвалой», очевидно, скрывается жестокий упрек. К тому же, как нам кажется, в строфе содержится издевка над буддийской традицией. Контраст между видимой похвалой и подразумеваемым упреком усиливается тем, что жертвой океана оказываются не обычные люди, а *бодхисаттвы* (или один бодхисаттва в своих многочисленных рождениях). Существует распро-

¹⁶ Дандин также иллюстрирует *вьяджастуту* примерами, которые, помимо *вьяджастуту*, содержат в себе еще и *шлешу* (śleṣa) – «соединение в слове или словосочетании двух и более значений» [Гринцер, 1987, с. 106]. Благодаря *шлеше* приведенные Дандином строфы содержат и похвалу, и упрек одновременно, см. [Kāvyādarśa, 1924, p. 31].

¹⁷ yasminnindā stutito nindāyā vā stutiḥ pratīyeta / anyā vivakṣitāyā vyājaśleṣaḥ sa vijñeyah [Kāvyāṅkāra, 1965, p. 324].

¹⁸ tvayā madarthe samupetya dattamidaṁ yathā bhogavate śarīram / tathāsyate dūti kṛtasya śakya pratikriyānena na janmanā me. Пер. П.А. Гринцера [Гринцер, 1987, p. 115].

¹⁹ Помимо *аланкары вьяджастуту* в строфе присутствует и *шлеша*. «Змея» – не единственное значение слова bhogavat. Буквально это «тот, кто дарует наслаждения» – т.е. «любовник».

²⁰ Подобный мотив обвинения сладострастной посланницы в любовной лирике стал широко распространен в средневековье. В антологии любовной лирики «Субхашитаратнакоша» (Subhāṣitaratnaśa) Видьякары (XII в.) есть отдельный раздел, в котором собраны стихотворения именно на эту тему, и большая их часть содержит иронические высказывания [Subhāṣitaratnaśa, 1965, p. 259–262].

²¹ he helājītabodhisattva vacasām kiṁ vistarais toyadhe nāsti tvatsadrśah parah parahitādhāne grhītavratāḥ / tṛṣyat-pānthajanopakāraghaṭanāvaimukhyalabdhāyāśobhāraprodvahanē karoṣi kṛpayā sāhāyakam yan maroḥ.

страненный мотив буддийских *джатак*, в котором бодхисаттва, оказавшись на тонущем в океане корабле, жертвует собой ради жизни других²². Бодхисаттва милосерден и пытается спасти своих товарищей ценой своей жизни. В строфе океан фактически сравнивается с этим бодхисаттвой и в шутку называется сострадательным – он действительно страдает, но не умирающим людям, а пустыне-убийце, взявшей на себе вину за смерть путников.

Так, *аланкара вьяджастути* в ходе своей эволюции приблизилась к западному понятию иронии, как ее трактовали Цицерон и Квинтилиан.

По мнению П.А. Гринцера, *аланкара вьяджастути* напоминает частный случай иронии [Гринцер, 1987, с. 116]. Т.е. *вьяджастути* обладает некоторыми чертами иронии, но не охватывает эту риторическую фигуру полностью. Важное различие античной иронии и *аланкары вьяджастути*, по мнению П.А. Гринцера, заключалось в том, что в первом случае скрытый смысл высказывания распознавался с помощью интонации, мимики, жестов или общего контекста, в то время как *вьяджастути* не нуждалась в дополнительных пояснениях [Гринцер, 1987, с. 116]. Однако по нашему мнению, высказывание, содержащее *вьяджастути*, все же могло сопровождаться иронической интонацией. Поэтическим высказываниям в санскритской драме, содержащим *вьяджастути*, часто предшествует ремарка, намекающая на ироническое высказывание. Более того, порой ироническую интонацию можно предположить, лишь основываясь на контексте.

ДХВАНИ

В санскритской поэтической традиции очень продуктивной для описания иронии оказывается теория *дхвани* (санскр. dhvani, букв. «звук, эхо, тон») или скрытого смысла в поэзии, поскольку ирония подразумевает, что истинный смысл высказывания скрывается за его явным значением.

Создателем теории *дхвани* считается Анандавардхана²³, который подробно изложил ее в трактате «Дхваньялока» (Dhvanīyāloka, «Свет дхвани», IX в.). *Дхвани* – это поэзия или поэтические высказывания, в которых главный источник поэтической красоты – скрытый смысл. При этом он важнее явного смысла, который является только инструментом (upāya) для того, чтобы донести главный, скрытый смысл, см. [Анандавардхана, 1974, с. 32–34; Patwardhan, 1986, р. 48]. Поэзия *дхвани* считалась Анандавардханой высшей формой поэзии.

Маммата в XII в. создает классификацию видов поэзии, в которой перерабатывает идеи Анандавардханы. Высший вид поэзии по Маммате называется *уттама* (uttama, букв. «высший») и соответствует *дхвани* Анандавардханы, поскольку в поэзии *уттама* скрытый смысл также должен превалировать над явным. Кроме того, согласно Маммате, в «высшей поэзии» скрытый смысл – это единственное украшение строфы [Kāvyaaprakāśa, 1967, р. 149; Bronner, 2008, р. 77]. Он иллюстрирует поэзию *уттама* такой строфой: «С твоей груди полностью стерта сандаловая мазь, с губ смыта красная краска, на глазах нет и следа черной туши, а нежное тело покрыто мурашками. О посредница, не желающая даже знать о страданиях подруги, ты говоришь неправду: ты ходила не к этому негоднику, а купаться в пруд²⁴».

²² Один из ярких примеров этого мотива: торговый корабль тонет, и, для того чтобы спасти остальных торговцев, бодхисаттва перерезает себе горло – ведь океан не терпит и одной ночи, когда в нем находится мертвое тело. Торговцы держатся за мертвое тело бодхисаттвы, и океан выбрасывает их вместе с телом на берег [Le Mahāvastu, 1977, р. 353–356; Āpastambhaśrautasūtra, 1955, р. 34–57]. О мотиве пожертвования тела бодхисаттвой см. [Ohnuma, 2007, с. 56–57, 278].

²³ О теории *дхвани* Анандавардханы см., например [Jacobi, 1903; Алиханова, 1974; Patwardhan, 1984; Гринцер, 1987].

²⁴ niḥśeṣacyutacandanam stanatataṃ nirmṣṭarāgo ‘dharo / netre dūram anañjane pulakitā tanvī taveyaṃ ta-

Эта фраза по своему содержанию напоминает строфу из трактата Рудраты, приведенную выше: девушка упрекает вестницу, которую она послала к своему возлюбленному, в том, что та возвратилась со следами любовных утех. Все перечисленные здесь элементы женской внешности в санскритской любовной лирике всегда свидетельствуют о случившемся любовном соитии. В строфе Рудраты содержится «ложная похвала», *вьяджастути* – изменницу «хвалят» за ее поступок. В примере Мамматы о похвале речи не идет, хотя в строфе тоже содержится ирония. За упреком в том, что девушка якобы ходила купаться в пруд, вместо того, чтобы исполнять поручение, скрывается еще больший укор, о существовании которого должен догадаться читатель. Т. е. фраза о купании в пруду имеет скрытый смысл, и все высказывание создается с целью насмешки, а значит – содержит иронию, однако строфа на этот раз иллюстрирует не *вьяджастути*, а *дхвани*.

Поэзию, где явный смысл был важнее скрытого, Анандавардхана называл «поэзией с подчиненным проявляемым» (санскр. *guṇibhūtvavyaṅgya kāvyā*) и относил к этому виду всю поэзию, содержащую *аланкары*, где противопоставляется прямо выраженный и скрытый смысл. В их число входит *вьяджастути*²⁵ [Patwardhan, 1986, p. 49]. Как считал Анадавардхана, «поэзия с подчиненным проявляемым» – следующий по изяществу тип поэзии после поэзии *дхвани*. В «поэзии с подчиненным проявляемым» скрытый смысл может подсказываться интонацией, в том числе и иронической²⁶. Поэзия *дхвани* не требует подсказок. Анандавардхана считал, что высокообразованный читатель должен сам догадаться до истинного смысла [Гринцер, 1987, с. 243]. Иллюстрируя этот случай, Анандавардхана приводит такую строфу поэта Халы (I в. н.э.): «Да, я распутница, уходи, верная жена, твое имя не запятнано, что еще [сказать], как жена [одного человека], я не влюблена в цирюльника²⁷».

Здесь, по-видимому, с помощью иронической интонации подчеркивается, что «жена одного человека» – и есть собеседница говорящей. Утверждение, что собеседница говорящей – добродетельна, может считаться похвалой, которая таковой не является, потому что, говоря это, рассерженная девушка, наоборот, упрекает ее за распутное поведение. Прием, использующийся в этой строфе, соответствует приведенным выше определениям *вьяджастути*, однако строфа здесь служит для иллюстрации понятия «поэзии с подчиненным проявляемым». Скрытый смысл здесь содержится во фразе «жена одного человека». Без иронической интонации читатель бы не смог догадаться, что речь идет именно о девушке, с которой говорящая ведет разговор.

Так, Анандавардхана и Маммата описывали такой высший вид поэзии, где украшением является только скрытый смысл. Анандавардхана называл такую поэзию *дхвани*, в то время как Маммата обозначал ее просто как «высшая поэзия». Анандавардхана выделял

nuḥ mithyāvādini dūti bāndhavaṇasāyāñātāpīdāgame / vāpīm snātum ito gatāsi na punas tasyādhamasyāntikam. Пер. П.А. Гринцера [Гринцер, 1987, с. 210].

²⁵ Среди других таких *аланкар* – *апрастутапрашамса* (*aprasutapraśamsā*, «восхваление того, что не имеют в виду»), некоторые случаи употребления которой Анандавардхана относит к поэзии *дхвани* [Patwardhan, 1986, p. 49, 53]; см. также: [Гринцер, 1987, с. 113–114]. *Вьяджастути* – очень близкая к *апрастутапрашамсе* *аланкара*. Можно предположить, что некоторые высказывания с *аланкарой вьяджастути* тоже могли считаться поэзией *дхвани*.

²⁶ Учение о различных интонациях (*kāku*) излагается в поэтическом трактате «Кавьямиманса» авторства Раджашекары (XI в.). В нем упоминаются два основных вида интонаций: «ожидающая» (*sākāṃkṣā*), указывающая на незаконченность высказывания, состоящая в повышении голоса, и «не содержащая ожидания» (*nirākāṃkṣā*), состоящая в понижении голоса. «Ожидающая» интонация делится на три подвиды: вопросительную (*praśnagarbhā*), выражающую презрение (*ākṣepagarbhā*) и выражающую сомнение (*tarkagarbhā*) [*Kāvya-mīmāṃsā*, 1934, p. 78–86]. Как мы увидим ниже, «презрительная» интонация (*ākṣepagarbhā*) нередко маркирует иронию в драме.

²⁷ āma asaī mha osara paivvaca na tuha mailiam gottam / kim uṇa jaṇassa jāa caṇḍilam tā na kāmemo. Пер. М.А. Рысанова [*Хала Сатавахана*, 2006, с. 167].

«поэзию с подчиненным проявляемым», где явный смысл играет более важную роль, чем угадываемый.

И *дхвани*, и «поэзия с подчиненным проявляемым» вполне могут быть использованы для создания иронических высказываний.

ИРОНИЯ В «КИРАТАРДЖУНИИ»

Посмотрим теперь, как иронию употребляет Ватсараджа в пьесе «Киратарджуния» (XII–XIII вв.).

Сам автор в тексте пьесы причисляет ее к жанру *вьяйюга* (vyāyoga)²⁸. *Вьяйюга* – одноактная пьеса, повествующая о великом герое небожественного происхождения, включающая в себя описание его подвига, битвы, легендарной схватки. В «Киратарджунии» Ватсараджа перерабатывает известный сюжет из «Махабхараты», повествующий об Арджуне, который отправился в Гималаи, чтобы обрести божественное оружие с помощью суровой аскезы, и Шиве, воплотившемся в предводителя племени киратов²⁹ с целью оценить мужество Арджуны (Mahābhārata III.13–42).

Название жанра *вьяйюга* происходит от глагола «разделять, разобщать» (vyāyuj), т.е. буквально *вьяйюга* – это «разобшение, несогласие, спор». Ватсараджа в полной мере раскрывает этот смысл термина, когда разыгрывает словесную перепалку с взаимными оскорблениями между Арджуной и киратами. Позднее к спору подключается сам Шива-кирата, который спустя какое-то время обращается в Дурьодхану, заклятого врага Арджуны. Так как герои находятся в состоянии спора и ссоры, они используют в речи по отношению друг к другу многочисленные насмешки и издевки, в том числе основанные на иронии.

В античной традиции большое внимание уделялось интонации, которая подсказывала наличие скрытого иронического смысла. В санскритской драме на интонацию указывают ремарки. Ранее мы говорили, что фразе, содержащей *вьяджастути*, часто предшествуют ремарки, которые подчеркивают в высказывании ироническую похвалу или упрек. Интонация, как мы уже говорили, была важна и для «поэзии с подчиненным проявляемым», где она часто играла решающую роль, помогая создать ироническое высказывание.

Многочисленные случаи иронии в Киратарджунии нередко сопровождаются определенным набором ремарок. Чаще всего используются такие ремарки: *sākṣeraṃ* «язвительно», *sāvajñam* «с пренебрежением», *sāvajñahāsam* «с пренебрежительной улыбкой», *solluṇṭham* «с иронией» (согласно словарям³⁰). В большинстве случаев ирония в «Киратарджунии», хотя ей и могут предшествовать соответствующие ремарки, может быть распознана по контексту.

Далее мы попытаемся рассмотреть примеры из «Киратарджунии» в следующем порядке: сначала примеры, содержащие тип *вьяджастути*, при котором за упреком скрывается похвала; далее примеры *вьяджастути*, при котором за похвалой скрыт упрек. После этого мы приведем примеры иронии, которые авторы поэтик могли бы отнести к *дхвани* или «поэзии с подчиненным проявляемым».

Единственный пример первого типа *вьяджастути* относится к ситуации, когда Арджуна, хвалясь перед Шивой, принявшем облик кираты, говорит:

²⁸ Самые ранние сведения о *вьяйюге* мы встречаем в «Натьяшастре» [*Nāṭyaśāstra*, 1951, p. 370], ср. также «Дашарупаку» Дхананджаи [*Daśarūpaḥ*, 1914, p. 101].

²⁹ Кирата (kirāta) – член дикого горного племени киратов, которое обитает в горах и лесах и живет охотой. Кираты считались *шудрами* (śūdra, низшая *варна*) из-за пренебрежения всеми предписанными религиозными обрядами.

³⁰ См.: [Böhtlingk, Roth, 1875, p. 1214; Apte, 1890, p. 1140; Monier-Williams, 1899, p. 1138].

«Мы, рожденные в птичьем роду³¹, совсем не используем стрелы, да и какое дело [до этого] таким как ты, совершенно не разбирающимся в битве? Или что, желание увидеть мое умение в стрельбе из лука привело тебя сюда? В таком случае [лучше] посмотри, как искусно я раскалываю камни [стрелами], – так твоя жизнь будет в безопасности³²».

Напомним, что Дандин в трактате «Кавьядарша» иллюстрировал этот вид *вьяджастути* строфой, в которой некий царь упрекался в том, что он не так же хорош, как Рама. С первого взгляда высказывание, заключенное в строфе из «Киратарджунни», выглядит как упрек, но на самом деле в нем скрыта похвала, ведь едва ли кто-то может быть удостоен сравнением с самим Рамой. Если в примере Дандина говорящий «порицает» другого человека, то Арджуна в примере выше иронизирует сам над собой – это единственный пример самоиронии в «Киратарджунни». Здесь Арджуна создает видимость принижения своих умений в стрельбе из лука, хотя на самом деле, наоборот, их превозносит Арджуна как будто и не держал от роду стрелы, но все равно настолько умел в обращении с луком, что не только превосходит в этом предводителя киратов, но еще и якобы старается его обезопасить от самого себя. Т.е. в строфе содержится похвала, скрытая за мнимым упреком (обращенным говорящим к самому себе). Строфе предшествует ремарка, которая маркирует ироническую интонацию: «с насмешкой и гордостью» (*sākṣeraṃ sagarvam*). В данном случае ремарка играет важную роль – без нее ироническое значение строфы было бы неочевидным.

Вьяджастути второго вида, где под похвалой подразумевается упрек, встречается в «Киратарджунни» намного чаще. Например, Сиддхадеша, друг Арджуны, как будто пытаюсь поддержать его, произносит явно язвительную строфу: «Это царство – причина встречи врагов с Ямой, предназначенное, очевидно, для вас, отдано во время игры в кости, подобающей хорошим кшатриям, – разве этим сын Дхармы³³ не приумножает дхарму?»³⁴.

Игра в кости – действительно достойное занятие для царя-кшатрия, которое даже является частью ведийского царского ритуала³⁵ и, как и написано в строфе, «приумножает дхарму». Упрек Сиддхадеша адресован не Арджуне, а его старшему брату Юдхиштхире. Сиддхадеша «хвалит» его за то, что тот проиграл в кости все их царство, «позабывшись» таким образом о своей *дхарме*. Возможно, «приумножение *дхармы*» здесь связано еще и с тем, что Юдхиштхира демонстрирует щедрость, отдавая царство. Очевидно, здесь за «ложной похвалой» скрывается упрек, поскольку царство проиграно в азартной игре, и здесь нечем гордиться. Строфе не предшествуют никакие ремарки, иронический смысл угадывается по контексту.

Еще один яркий пример *вьяджастути* такого рода представляет собой описание великого вепря, которого собирается пронзить стрелой Арджуна: «Он яростно рубит и вскапывает множество мясистых клубней, рассекает поверхности стволов деревьев, сбивая в кучу ветви и корни. Какие только начинания не удаются этому страшному клыку вепря, наделенному жестокой и неодолимой мощью, в канавах среди придорожных деревьев!»³⁶.

³¹ «Рожденный в птичьем роду» (*śākuntānvayaḥ*) – вероятно, Арджуна намекает на свое родство с Шакунталой, сыном которой является Бхарата. Пандавы же, как известно, – потомки Бхараты.

³² *śākuntānvayaḥ vayan nahi nahi vyāpārayāmaḥ saran / sarvatraiva raṇānabhiḥjāmanasām vārtā eva kī tvādrśam / tvāmāvarttayate 'tha kiṃ mama dhanurvidyādīdrkṣārasas / tat paśya adriśilāvipātanakalām mā yātu te jīvitam* [*A Collection of Six Dramas of Vatsarāja*, 1918, p. 26].

³³ Т.е. Юдхиштхира.

³⁴ *tadvairiṇām yamasamāgamahetu rājyaṃ yuṣmākameva sutarām prakātopayogam / satkṣatriyocitadurodarasam-pradattam dharmātmanajaḥ kimu na puṣyati tena dharmam* [*A Collection of Six Dramas of Vatsarāja*, 1918, p. 3].

³⁵ Имеется в виду ритуал посвящения на царство *раджасуя* (*rājasūya*). Он описан в «Апастамбхашраутасутре» (*Āpastambhaśrautasūtra*), см. [Mehendale, 1992, p. 154; Brockington, 2001, p. 253; Knipe, 2015, p. 237].

³⁶ *kuddālīyati sāndrakandapaṭale baḥḥam kuṭhārīyati / skandhāgreṣu paraśvadhīyati śikhāśākhāsu sampātīni / daṁṣṭreyaṃ vikaṭā kiṭhḥ pratipadam mārḡadrumadroniṣu / krūrakrūrāparākramapraṇayunī kiṃ kiṃ na sampadyate* [*A Collection of Six Dramas of Vatsarāja*, 1918, p. 9].

Автор восхваляет силу и мощь вепря. Без небольшого уточнения – вебрь совершает свои «подвиги» в придорожной канаве – читатель бы принял такие восхваления за искренние. Но вместе с этой деталью строфа превращается, наоборот, в унижение, и выражает пренебрежение по отношению к силе этого вепря. Во всех элементах описания «могучего» вепря кроется «ложная похвала». Хотя автор его и восхваляет, он делает это с иронией, которая становится очевидной при упоминании того, где именно этот вебрь находится.

Следующие примеры высказываний из «Киратарджунии» нельзя отнести к *аланкаре вьяджастути*, так как они не содержат похвалы или упрёка. Однако мы относим данные примеры к ироническим, потому что, с одной стороны, они подпадают под представления средневековых индийских риториков о поэзии скрытого смысла, а с другой – соответствуют западному пониманию иронии, какую описывали Цицерон и Квинтилиан. Вероятно, данные примеры иронических высказываний из «Киратарджунии» можно относить к случаям, где ирония выражается посредством «поэзии с подчиненным проявляемым». Напомним, что в такой поэзии скрытый смысл может подсказываться с помощью интонации или *аланкар*. Приведенным далее примерам всегда предшествует ремарка, которая указывает на ироническую интонацию, а значит, скрытый смысл подсказывается.

Данному примеру предшествует ремарка «с насмешкой». Перед началом поединка Арджуна и Шива в облике Дурьодханы обмениваются оскорблениями. Арджуна говорит: «О безумный каурава, я истощен [тапасом³⁷]! [Поэтому] скорее ведай все свои трудноодолимые многочисленные войска, состоящие из царей, и, окруженный друзьями вроде Бхишмы Дроны, Крипы, царя ангов и Шакуни... – сделай незыблемым свое царство, добытое нечестным образом³⁸».

Аланкары вьяджастути в данной строфе не обнаруживаются – здесь нет ни похвалы, ни упрёка. При этом строфа содержит скрытый смысл, на который прямо указывается иронической интонацией. Арджуна говорит одно, а имеет в виду противоположное – если Дурьодхана не трус, тогда он не посмеет нападать с огромной армией на одного истощенного слабого человека. А если все же трус – как и считает Арджуна – то он, конечно должен поскорее привести подкрепление, чтобы бесчестным образом сразить Арджуну. Скрытый смысл в данной строфе подсказывается иронической интонацией, эту строфу можно отнести к «поэзии с подчиненным проявляемым».

В следующем примере Шива в облике великого кираты произносит строфу, обращаясь к Арджуне, когда они обмениваются оскорблениями, приговариваясь к битве: «*(Язвительно, прицелившись в Арджуну)* Эй, ну, давай-ка, подойди сюда. О царь среди отшельников! [Этой] стрелой я дарую тебе нирвану³⁹, устраняющую совершённые деяния⁴⁰, которую сложно обрести с помощью разного рода тапаса, подразумевающего суровые самоистязания и вызывающего телесное истощение⁴¹».

³⁷ *Tapas* (tapas, «жар, пыл») – система аскезы в индуизме. Под *тапасом* может подразумеваться распространенная практика нагревания или «иссушения» тела с помощью «стояния между пяти огней» (т.е. между четырех костров под палящим солнцем) или накапливаемый в подвижничестве особый внутренний жар или пыл, с помощью которого аскет способен магическим образом воздействовать на окружающий мир [*Индуизм. Джайнизм. Сикхизм*, 1996, с. 414].

³⁸ *re te durmada kaurava! ...kṣīṇa eko 'smyaham / tāstāḥ satvaramānaya kṣitibhṛtāmākṣauhinīrduḥśahāḥ / bhīṣmadroṇakpāṇgarājaśakuniprāyāḥ sahāyairvratāḥ kṛtvā matka... vidhehi sudṛḍhaṁ rājan vimārgarjitam* [*A Collection of Six Dramas of Vatsarāja*, 1918, p. 27–28]. Строфа сильно повреждена, не удалось восстановить весь текст.

³⁹ *Нирвана* (nirvāṇa, «угасание, прекращение») – концепция «угасания» страстей человека как конечного состояния «спасения», освобождения из цикла перерождений и избавления от страданий. Данный термин характерен для буддизма, поэтому его возникновение в очевидно индуистской пьесе вызывает вопросы, ответить на которые, однако, возможно лишь в рамках дальнейшего исследования.

⁴⁰ Выход из *сансары* в *нирвану* подразумевает, что вся *карма*, вызванная совершением деяний, устраняется.

⁴¹ *sākṣepaṁ pārthamuddiṣya / re re upasarpa upasarpa / yaddurllabhaṁ duṣkaraduṣkaraiḥ tapobhīrvistāritātānavaiḥ*

В данной строфе ирония была бы заметна и без ремарки «язвительно». Обращение к Арджуне, когда тот совершал аскезу, уже имеет в себе издевку: «царь среди отшельников» (*munīndra*) – не самое подходящее обращение к великому аскету, ведь аскет не может быть одновременно и царем, кшатрием. Главная цель отшельника – достичь освобождения, *нирваны*, именно для этого он прибегает к долгой изнурительной аскезе. Однако Шива-кирата предлагает Арджуне «более действенный и быстрый» способ освободиться от *сансары* – попросту быть убитым от его рук. Прямой смысл строфы несет в себе благое намерение Шивы-кираты облегчить Арджуне достижение *нирваны*. Однако на самом деле Шива-кирата имеет в виду, что хочет просто убить Арджуну, – иронический смысл строфы подсказывает соответствующая интонация, о которой можно судить по ремарке. Наличие ремарки снова позволяет отнести этот пример к «поэзии с подчиненным проявляемым».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ как теоретической литературы, так и произведения Ватсараджи «Киратарджунии» показывает, что средневековые санскритские авторы знали и любили художественный прием, который соответствует иронии в античной традиции. Однако санскритские теоретики литературы описывали этот прием по-разному.

В античной поэтике ирония на зрелом этапе формирования этого понятия подразумевала риторическую фигуру, при употреблении которой с целью насмешки говорится одно, а подразумевается другое. В санскритских поэтических трактатах не обнаруживается полного аналога античной иронии. Примеры из «Киратарджунии», которые мы обозначили, как «ироничные», можно разделить на два типа.

Первый тип – «частный», когда ирония выражается посредством *аланкары вьяджастути*. Вместо *вьяджастути* для описания того, что отчасти соотносится с античной иронией, могли использоваться и другие известные индийским риторам литературные приемы, но эти случаи не так заметны в истории санскритской поэтики и потому не рассматривались нами в данной статье. Однако *вьяджастути* может описывать только часть античного понятия «ирония», поскольку она подразумевает наличие упрека под видом похвалы или похвалы под видом упрека в поэтическом высказывании.

Второй тип – «общий», когда ирония выражается с помощью более «универсальных» инструментов: *дхвани* и «поэзии с подчиненным проявляемым».

Таким образом, античная ирония в санскритской литературной традиции соответствовала нескольким понятиям индийской поэтики, которые описывали разные аспекты и случаи этого явления.

Ватсараджа строит текст «Киратарджунии» на основе иронии, причем используя оба ее возможных в индийской традиции типа: в его тексте мы встречаем примеры и *вьяджастути* разных типов, и «поэзии с подчиненным проявляемым», которая очень близка *дхвани*. Ватсараджа использует два этих способа выразить иронию, видимо, потому, что он видел в них что-то общее. Это наводит на мысль о том, что Ватсараджа усматривал за *вьяджастути* и некоторыми разновидностями *дхвани* и «поэзии с подчиненным проявляемым» нечто общее, что мы можем обозначить одним греческим по происхождению термином.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анандавардхана. *Дхваньялока (Свет дхвани)*. Пер. Ю.М. Алихановой. М.: Наука, 1974 [Anandavardhana. *Dhvanyaloka (Light of Dhvani)*. Yu.M. Alikhanova (tr.) Moscow: Nauka, 1974 (Russian translation)].
- Аристотель. *Риторика*. Пер. Н. Платоновой. СПб: Азбука, 2000 [Aristotle. *Rhetoric*. N. Platonova (tr.) Saint Petersburg: Azbuka, 2000 (Russian translation)].
- Аристотель. *Сочинения в четырех томах*. Т. 4. Ред. А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди. М.: Мысль, 1983 [Aristotle. *Works in Four Volumes*. Vol. 4. A.I. Dovatur, F.Kh. Kessidi (tr.) Moscow: Mysl, 1983 (Russian translation)].
- Греческо-русский словарь*. Сост. А.Д. Вейсман. СПб, 1899 [Ancient Greek-Russian dictionary. A.D. Weisman (comp.) Saint Petersburg, 1899 (in Russian)].
- Гринцер П.А. *Основные категории классической санскритской поэтики*. М.: Наука, 1987 [Grintser P.A. *The Main Categories of Classical Sanskrit Poetics*. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)].
- Индюизм. Джайнизм. Сикхизм. *Словарь*. Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996 [Hinduism. Jainism. Sikhism: A Dictionary. M.F. Albedil, A.M. Dubyansky (eds.) Moscow: Respublika, 1996 (in Russian)].
- Платон. *Государство. Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 3. Пер. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1994 [Plato. *The Republic. Plato. Collected Works in Four Volumes*. Vol. 3. A.F. Losev (tr.) Moscow: Mysl, 1993 (Russian translation)].
- Риторические наставления Марка Фабия Квинтилиана*. Пер. А. Никольского. СПб, 1834 [Institutes of Oratory by Marcus Fabius Quintilian. A. Nikolsky (tr.) Saint Petersburg, 1834 (Russian translation)].
- Хала Сатавахана. *Саттасаи. Антология пракритской лирики*. Пер. М.А. Русанова. *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*. Вып. X. М.: РГГУ, 2006 [Hala Satavahana. *Sattasai. Anthology of Prakrit Lyrics*. M.A. Rusanov (tr.) *Orientalia et Classica. Works of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity*. Iss. X. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2006 (Russian translation)].
- Цицерон Марк Туллий. *Три трактата об ораторском искусстве*. Под ред. М.Л. Гаспарова. Пер. Ф.А. Петровского. М.: Наука, 1972 [Cicero Marcus Tullius. *Three Treatises on Oratory*. M.L. Gasparov (ed.) F.A. Petrovsky (tr.) Moscow: Nauka, 1972 (Russian translation)]
- A Collection of Six Dramas of Vatsarāja*. Chimanlal D. Dalal (ed.) Baroda: Oriental Institute, 1918.
- Āpāsthambhaśrautasūtra. Dhūrtasvāmībhāṣya*. A. Chinnaswāmī Śāstrī (ed.) Calcutta: Government Sanskrit College, 1955.
- Brockington M. Husband or King? Yudhiṣṭhira's Dilemma in the Mahābhārata. *Indo-Iranian Journal*. 2001. Vol. 44 (3). Pp. 253–263.
- Bronner Y. A Question of Priority: Revisiting the Bhāmaha-Daṇḍin Debate. *Journal of Indian Philosophy*. 2012. Vol. 40. No. 1. Pp. 67–118.
- Bronner Y. Change in Disguise: The Early Discourse on Vyājastuti. *Journal of the American Oriental Society*. 2009. Vol. 129. No. 2. Pp. 179–198.
- Dane J.A. *The Critical Mythology of Irony*. London: The University of Georgia Press, 1991.
- Daśarūpaka of Dhanañjaya*. P.S. Sastri (ed.) Bombay: The Gujarati Printing Press, 1914.
- Five Buddhist Legends in the Campū Style From a Collection Named Avadānasārasamuccaya*. R. Handurukande (ed., tr.) Bonn: Indica et Tibetica Verlag, 1984.
- Gerow E. *A Glossary of Indian Figures of Speech*. Mouton: The Hague, 1971.
- Jacobi H. Ānandavardhana's Dhvanyāloka. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1903. Bd. 57.2. S. 311–343.
- Kane P.V. *History of Sanskrit Poetics*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1961.
- Kāvyaḍarśa of Daṇḍin*. S.K. Belvalkar (ed.) Poona: The Oriental Book-Supplying Agency, 1924.

- Kāvyaḷaṅkāra of Rudraṭa*. S. Chaudhari (ed.) Delhi: Vāsudev Prakāśan, 1965.
- Kāvyaḷaṅkārasutra of Bhāmaha*. P.V. Naganatha Sastry (ed.) Delhi: Motilal Banarsidass, 1991.
- Kāvyaṁimāmsā of Rājaśekhara*. C.D. Dalal, R.A. Sastri (eds.) Baroda: Oriental Insitute, 1934.
- Kāvyaṭprakāśa of Mammata*. M. Ganganatha Jha (ed., tr.) Varanasi: Bharatiya Vidya Prakashan, 1967.
- Knipe D.M. *Vedic voices: intimate narratives of a living Andhra tradition*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Le Mahāvastu: texte sanscrit publié pour la première fois et accompagné d'introductions et d'un commentaire*. E. Senart (ed.) 3 vols. Tokyo: Meicho-Fukyū-Kai, 1977.
- Mehendale M.A. The Game of Dice in Ancient India. *Bulletin of the Deccan College Post-Graduate and Research Institute*. 1992. Vol. 51/52. Pp. 153–156.
- Monier-Williams M.A. *A Sanskrit-English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1899.
- Ohnuma R. *Head, Eyes, Flesh, and Blood: Giving away the Body in Indian Buddhist Literature*. New York: Columbia University Press, 2007.
- Patwardhan M.V. Samāsokti as a variety of guṇibhūṭavyaṅgya poetry. *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*. 1986. Vol. 67. No. ¼. Pp. 47–55.
- Porcher M.C. *Figures de style en Sanskrit: Théories de Alamkārasāstra analyse de poèmes de Venkatādhvarin*. Paris: Collège de France, Institut de Civilisation Indienne, 1978.
- Sanskrit-Wörterbuch*. O. Böhtlingk, R. Roth (eds.) Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1875.
- The Concise Oxford Dictionary of Current English*. H.W. Fowler, F.D. Fowler (eds.) Oxford: Clarendon Press, 1912.
- The Nāṭyaśāstra. A Treatise on Hindu Dramaturgy and Histrionics Ascribed to Bharata-muni*. M. Ghosh (ed.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1951.
- The Practical Sanskrit-English Dictionary*. V.S. Apte (ed.) Poona: Shiralkar&Co., 1890.
- Vidyākara's Subhāṣitaratnaśoḷa. An Anthology of Sanskrit Court Poetry*. D.H.H. Ingalls (ed., tr.) Cambridge: Harvard University Press, 1965.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МИНАЕВА Маргарита Денисовна – аспирант программы «Языки и литературы стран и народов Востока и Африки» Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Margarita D. MINAEVA, PhD student, Languages and Literatures of the Countries and Peoples of Asia and Africa program, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia.